

Л.А. Берсенева
Вологодский государственный университет

РАЗВИТИЕ АДЪЕКТИВНОГО ТИПА СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV–XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается история формирования группы существительных адъективного типа склонения в старорусском языке. Исследуются основные модели субстантивации, которые нашли отражение в специальной, профессиональной лексике.

История русского языка, историческое словообразование, специальная лексика.

Формирование группы существительных адъективного типа склонения началось еще в дописьменную эпоху. Интенсивный рост данного лексико-грамматического множества происходит в старорусском языке. Этот процесс связывают, прежде всего, с развитием в этот период различных терминологических систем, нашедших отражение в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв.

Имя существительное – основной источник для выражения предметных специальных значений во всех терминологиях. Потребность в языковой номинации новых элементов выдвигает на первый план качественные признаки предметов. В связи с этим актуализируются такие способы номинации, как синтаксическая деривация и субстантивация. Субстантивированные прилагательные и причастия способствуют расширению и дополнению выразительных способностей семантической категории предметности. Как указывают исследователи, существительные адъективного склонения являются одним из основных средств номинации в терминологической сфере языка донационального периода [1, с. 91].

Происхождение данных существительных традиционно связывается с субстантивацией в силу существования омонимичных прилагательных [1, с. 91; 2]. Однако словообразование шло разными путями. Существительные адъективного склонения возникали в языке донационального периода либо в результате субстантивации, либо морфологическим способом по существующим деривационным моделям. Большинство исследователей считает, что субстантивация зарождается в результате эллиптического пропуска имени существительного в словосочетании, что ведет за собой затемнение, а затем и исчезновение родового существительного. Прилагательное в результате субстантивации осложняет свою семантическую структуру, включает в свой понятийный объем общеродовой признак имени существительного и видовой признак прилагательного. Происходит семантическое стяжение. Как отмечает Г.П. Снетова, процесс субстантивации происходит в три этапа: 1) постепенный отрыв видо-

вого постпозитивного компонента от определяемого существительного; 2) замена двух родовых наименований одним; 3) эллиптический пропуск родового существительного в тексте, где предварительно указан составной термин. Поскольку процесс субстантивации происходит постепенно, в языке сосуществуют варианты наименования или синонимическое соотношение: *духовная* – *духовная грамота*, *портной* – *портной мастер*. В дальнейшем субстантивация прилагательных может происходить по аналогии, даже при отсутствии соответствующего атрибутивно-именного сочетания [6, с. 16].

В современном русском языке существительные адъективного типа склонения составляют особое множество, слова в котором распределяются по группам в соответствии с категорией рода. Существительные мужского рода могут называть лицо по характерному признаку (*больной*, *нищий*), предмету или действию, к которому данное лицо имеет отношение (*рулевой*, *коридорный*, *подсобный*, *ездовой*). Существительные женского рода чаще всего обозначают помещение по совершаемому в нем действию (*моечная*, *операционная*), по характерному предмету или признаку (*булочная*, *темная*). В качестве непродуктивного типа отмечена группа существительных женского рода, обозначающих официальную бумагу, документ (*закладная*, *купчая*). Существительные среднего рода отличаются разнообразием семантики. Наиболее обширную группу составляют слова, обозначающие обобщенную субстанцию, характеризующуюся определенным признаком (*прошлое*, *родное*). Отмечен также непродуктивный тип со значением «названия пошлин и платежей» (*поземельное*, *мостовое*) [4].

Рассмотрим основные группы существительных адъективного типа склонения в промыслово-ремесленной терминологии языка донационального периода.

В старорусском языке существительные определенных лексико-семантических множеств группировались в пределах каждого из трех родов.

Существительные мужского рода, как правило, являлись наименованиями лиц по роду деятельности.

Основным источником появления субстантивов была семантическая конденсация на базе атрибутивно-именных сочетаний. Так возник целый ряд названий профессий: *ларечный* (*ларечный целовальник* – ‘лицо, следившее за порядком торговли и правильной уплатой пошлин’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 72]); *объезжий*, *объездной* (*объездной голова* – ‘тот, кто объезжает что-либо с целью осмотра, контроля’ (Там же, вып. 12, с. 200)), *портной* (*портной мастер*, *портной швец*, *портной шваль* – ‘ремесленник, занимающийся шитьем одежды’ (Там же, вып. 17, с. 132)). Как свидетельствуют источники, субстантивированное прилагательное полностью заменяет эквивалентные составные наименования к концу XVII в.: А на то послуши: Ермола Григориевъ сынъ Печеринъ да Семень Григорьевъ сынъ *портной мастеръ*. Арх. Стр. I, 174. 1524 г. Дано *портному шведу* Ивану Трезвонову оброку рубль. Кн. прих-расх. Волокол. м. № 1028, 140. 1576 г. *Портному швалю* Федору Меркурьеву выдано годовое денежное жалование три рубли. Кн. прих-расх. мон. казн. Арх. Он. 1665 г. *Портным* на поставецъ къ шитью государевы постели сальной на нити и на шолки 5 алтынъ. Арх. бум. Петра, I, 255. 1683 г. (КСПЛ)*.

Другая группа существительных мужского рода образовалась по аналогии вне эллипсиса конкретного сочетания: *поральский* (‘пошлинник, осуществляющий поральский сбор (подать с плуга)’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 111]); *конюший*, *конюшей* (‘тот, кто ухаживает за лошадьми, служащий при конюшне’: *конюшей* Никита купил на конюшню на а(р)каны спускъ бече(въ). Кн. расх. Вол. арх. д. 1702 (КСПЛ)); *рядовой* (‘поступивший на службу по договору’, ‘не связанный с ответственной работой, помощник’: Мурманского промыслу кормщиком и *рядовым* Леонтью Никифорову с товарищи продано полчетверта фунта свѣщъ восковых. Кн. прих-расх. Он. Крест. м. XVII в. (Там же)).

В отличие от существительных мужского рода, где основным значением было значение лица, категория женского рода в существительных адъективного типа склонения связана с обозначением конкретных предметов: различных документов и помещений.

Большинство существительных женского рода, называющих деловые документы, образуется на базе словосочетаний: *закладная грамота* – *закладная*, *купчая грамота* – *купчая*, *докладная запись*, *докладная грамота* – *докладная*, *духовная грамота* – *духовная*, *порядная запись* – *порядная*, *рядная грамота*, *рядная запись* – *рядная*. Определяемое существительное в подобных сочетаниях варьировалось: *запись*, *грамота*, *отпись* и др. В результате эллипсиса образовалось «синкретичное наименование, равное по форме определяющему прилагательному, которому присваивается родовая парадигма, соответствующая грамматическому роду эллиптируемого существительного» [5, с. 175]. Необходимо отметить, что субстантивированное прилагательное и соответствующее ему атрибутивно-именное сочетание сосуществуют в памят-

никах деловой письменности XVI–XVII вв.: По *купчей грамот(е)* по Кирилов(е): от Словѣньского озера по враг... по вразѣ вверхъ. АСВР II, 180. 1485 г. Прода онѣ... по двумъ *купчимъ*, двѣ трети соляного промыслу со всякими соляными заводы и угоды. ДАИ VIII, 208. 1680 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 147]. Тотъ Ивашко з братомъ... по *рядной записи* хлѣбъ... и дрова за пожилое для дворового береженья емлютъ. Писц. д. I, 377. 1625 г. И та вотчина нши жеребьи и не проданы никому, не заложена ни у кого ни в кабаках, ни в записях... а у ково выляжет на ту вотчину... *купчая грамота*, или *рядная*, или кабала или записъ... и намъ та вотчина от тѣх крѣпостей очищать. Пам. Ряз., 109. 1680–1556–1557 г. (Там же, вып. 22, с. 286, 288).

Употребление той или иной разновидности именования было обусловлено, скорее всего, не временем создания памятника, а формуляром: субстантивированное прилагательное используется преимущественно в заключительной части документа. Ср.: Доложа тиуна... се яз... купил есми... пожню. А *докладную* писал чернець Иринарх. АСВР II, 45. 1435–1447 г. (Там же, вып. 4, с. 291). А писал сию *закладную* дякъ Иванко Тимофѣевъ снѣ. Гр. Дв. (доп.), 19. 1487. (Там же, вып. 5, с. 211). А *порядную* писалъ монастырский диячекъ Тренка Андрѣевъ сынъ. Арх. Стр. I, 623. 1585 г. (Там же, вып. 17, с. 147).

Интересно отметить, что не все прилагательные, входящие в составные наименования с опорными компонентами *грамота*, *запись* и т.п., подверглись субстантивации. Так, например, не отмечены в старорусском языке такие существительные, как *благословенная* (*благословенная грамота*, *запись*), *договорная* (*договорная запись*), *судная* (*судная грамота*) и др.

В старорусский период зарождается словообразовательный тип, обозначающий помещения различного назначения. Первоначально образование субстантивов происходит за счет опущения определяемого компонента *изба*, *горница*, *келья*: Во дворе келья братская... да *изба келарская* с сенми и клетью, в братской келье стол переной, в *келарской* – стол простой. Арх. Он. 1669 г. [СПЛ, вып. 1, с. 242]. Да на мнтрѣ другая церковь деревяная вверх Пречистые Богородиц Успение с трапезою и с *келарскою*. Кн. описн. Ник.-Кор. м. 1602 (КСПЛ) (*келарская* – ‘кладовая для хранения припасов в церкви’). Сдѣлалъ чюланъ в *мастерской горницѣ* на воеводском дворѣ. Кн. расх. Хлын. 1679, 55 (КДРС). В тои *мастерской кѣлье* семь окончин полотняных с кругами слудными болшаго *косяка*. Арх. Пертомин. м., № 48, 7. Оп. 1687 г. (Там же).

В дальнейшем образование подобных слов шло по морфологической модели. В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» зафиксированы лексемы *крылосная* (‘то же, что крылос’), *ложная* (‘мастерская, в которой изготавливаются ружейные ложа’), образованные от существительных (*крылос*, *ложе*) по аналогии с субстантивами: Вздѣлатъ два крылоса окольние проходны не к стене; околь *крылосной* забирать в косяк з брусѣм. Порядн. Троицк. в. 1637 [СПЛ, вып. 2, с. 130]. Продано оружейным мастером и в *ложную* станочного дѣла учеником Петру Чернецову бѣлого желѣза сто листов. Кн. прих. Петр. зав. 1708 (Там же, с. 181).

* Примеры, приведенные без отсылки на печатное издание, заимствованы из картотек «Словаря русского языка XVI–XVII вв.» (далее КДРС), «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (далее КСПЛ).

Наличие целого ряда существительных, однотипных по структуре и значению, приводит к тому, что в специальной лексике начинают появляться субстантивы других словообразовательных типов, менее продуктивных, нередко представленных единичными лексемами. В результате семантической конденсации образуются существительные *летная* (*летная ловля*, ср. *осенняя ловля*, *зимняя ловля* – ‘летний промысел на рыбу и морского зверя’): Мурманской лодьи рядовым наемным людем... что они ходили на мурманской лодьи на Мурманское и *лѣтнюю* промышляли... дано найму 39 рублев. Кн. прих.-расх. мон. казн. Арх. Он. 1665 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 216]; *подвойная* (*подвойная трубка* – ‘часть рассолоподъемной трубы, покрытая подвоем’): А *подвойная* окружить... и на ту же подвойную шить суконной чюлок наметом край на край. Росп. труб. д., 197 [СПЛ, вып. 3, с. 86].

Спорным представляется происхождение существительного *сетная*: Да и реку Сороку и со всеми ловли по старине, и *сетная*, как ловили нюхчане. А. Солов. м., 106. 1551 г. (КДРС). Данный пример можно трактовать двояко: как эллипсис сочетания *сетная ловля* либо как суффиксальное образование от существительного *сеть* по аналогии с другими субстантивами.

Приведенные примеры позволяют предположить наличие еще одной, нерегулярной модели образования существительных женского рода.

Своеобразие существительных среднего рода объясняется их «безличностью, отвлеченностью, фиктивной предметностью» в системе грамматических категорий русского языка [3, с. 83]. Все исследователи обращали внимание на особый статус данной группы, подчеркивали их специфический характер в системе всей категории субстантивированных прилагательных, их особое семантическое выражение и способ образования. Отсутствие структурных и семантических ограничений способствовало тому, что в данную группу постепенно вовлекалось неограниченное число слов.

Памятники деловой письменности донационального периода свидетельствуют о бурном росте конкретных предметных субстантивов среднего рода в XIV–XVII вв. Особенно активным этот процесс был в налогово-пошлинной терминологии, и субстантивация являлась самым характерным средством номинации именно в этой сфере [6, с. 14]. Сравнительный анализ лексем в специальном словаре Г.Е. Кочина показывает соотношение субстантивов в разных терминологиях: из 221 субстантива – 149 (75%) существительные среднего рода. Из них 125 относятся к группе «Повинности и пошлины».

Г.П. Снетова выделяет следующие лексико-семантические группы существительных среднего рода, существовавшие в старорусском языке: 1) с широким обобщенно-абстрактным значением, выражающие отвлеченные понятия (*доброе*, *болезненное*); 2) религиозно-церковные понятия (*бесплотное*, *благолепное*); 3) наименования имущественных отношений (*домовое*, *товарное*); 4) наименования должностного состояния (*становое*, *тысячское*); 5) наименования явлений и предметов быта, связанных с различными видами сельскохозяйственного и ремесленно-торгового хозяйства (*съестное*, *постное*, *солеварное*, *хмельное*);

6) наименования различных видов платы, побора, пошлин, налогов (*медовое*, *померное*, *железное*, *пожирное*), в том числе промыслово-ремесленные пошлины (*подлазное*, *рыбное*, *стожарное*, *косное*, *поватажное*) – всего около 200 лексем; 7) наименования юридических отношений и судопроизводства (*обидное*, *поличное*) [6, с. 13].

Рассмотрим существительные среднего рода адъективного типа склонения в промыслово-ремесленной терминологии старорусского языка.

Происхождение существительных среднего, мужского и женского рода различно. Памятники письменности не дают подтверждения тому, что субстантивы среднего рода образовались в результате опущения существительного: при субстантивации менялся род прилагательного (*полавочное* – *полавочная пошлина*, *медовое* – *медовый оброк*; ср. названия документов: *духовная грамота* – *духовная*), родовое существительное в форме среднего рода встречается очень редко, разрыв компонентов не приводит к утрате родового существительного. В лексико-семантической группе существительных «названия пошлин и платежей» в ряде случаев отмечена синонимическая соотносительность субстантива не только с составным термином, но и с однословным термином – существительным: *поплашное* – *поплашная пошлина* (‘пошлина с дров и строевого леса, взимаемая плахами, половинками расколотого бревна’): А *поплашное* имати съ дровъ съ воза по плахѣ, каковы дрова будутъ, не по болшой, а не по меньшей. ААЭ IV, 74. 1652 г. Да таможиномъ же брати... по берегомъ рѣки Волхова, съ судовъ, и съ плотовъ, съ плавного лѣсу *поплашную пошлину*. ААЭ I, 326. 1571 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 87]); *контарное* – *контарные деньги* (‘пошлина, взимаемая с контаря веса (2,5 или 3 пуда)’): А имати тамга церковная пошлина и вѣсь мытъ, и пятно, и померное, роговое и *контарное* с царевых и великого князя. Арх. Стр. I, 696. 1592 г. (Там же, вып. 7, с. 282)); *подварное* – *подвар* (‘плата за начальный этап работы варницы’): Затопилась новая варница дал на *подварное* работнымъ людемъ за сутки тринацат алтынъ. Кн. расх. Тот. пр. 1695 г. [СПЛ, вып. 3, с. 84]); *рыбное* – *рыбный оброк* (‘побор за право рыбной ловли’): И моимъ рыбникомъ не надобе *рыбное*, ни ихъ пошлины. АСВР II, 30. XVI в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 87]. А денежный *оброкъ* и *рыбной* платятъ противъ осеннего и вешнего промысловъ. Кн. писц. Белооз. 1674 (КСПЛ). Ср. также *вѣсчее* – *вѣс* – *вѣсчая пошлина*, *пятенное* – *пятно* – *пятенная пошлина*, *убрусное* – *убрус*, *явленное* – *явка* – *явѣчая пошлина* и др. При наличии такой взаимозаменяемости тем не менее в текстах преобладали субстантивы.

По аналогии образовались и другие существительные данной группы: *валовое* (‘оптовый доход, плата; плата за артельную работу’): Откупил у соловаров *валового* за 20 за 6 сугребов дал за сугреб по шти алтын. Кн. расх. Ник.-Кор. м. 1587 [СПЛ, вып. 1, с. 65]); *порядное* (‘пошлина при заключении торговой сделки’): Которой белозерець гродцкой челоуѣкъ купить себѣ на лавку медъ, или икру, или рыбу, и имѣ имати у нихъ съ рубля по полудензе *порядного*. Арх. Стр. I, 94. 1497 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 147]); *портное* (‘повинность, состоящая в шитье одежды, а также

заменяющая ее денежная пошлина': Ни волостелева двора не ставить, ни *портного* не дают, ни к сотцкому, ни к дворскому... не тянут ни во что. АСВР I, 174. 1453 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 131]); *рядовое* ('оговоренная в договоре плата': Дано служеного старцу Галасию Борашку ... за 2 мсца да *рядового* за четыры мсца... Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, 72 об. 1592 г. (Там же, вып. 22, с. 289)).

Часть названий пошлин и повинностей образовалась морфологическим способом от основ, включающих общеславянские корни: *водолазное* (← *водолаз*) ('плата за работу водолаза': Дал старцу Якиму Лузорѣ на мережное прядено рубль денег. Да ему ж даль за *водолазное* десят алтынѣ. Кн. пр.-расх. Сп.-Прил. м. 1604 – ДПРС I, 16 [СПЛ, вып. 1, с. 92]); *езовое* (← *ез*) ('подать, налог за право рыбной ловли в езе': И вы мои мытники, и таможенники, и заказщики, и всѣ пошлинники, не имали бы есте с игуменова купчины и съ его людей и с его намитов ни мыта, ни тамги... ни *ѣзово(о)*, ни иных никоторых пошлин. Гр. жал. К-Бел. м. 1486 (Там же, с. 187)); *поватажное* (← *ватага*) ('сбор, налог с промысловых артелей, ватаг': Пошлинники мои и поватажники *поватажного* у них не емлютъ. ААЭ I, 30. 1446 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 140]). Ср. также *шестовое* (← *шест*) ('пошлина, которая бралась с шестов, употреблявшихся на речных судах'), *побережное* (← *берег*) и др.

Исходной формой образования субстантивов среднего рода, входящих в лексико-семантическую группу «наименования явлений и предметов ремесленно-торгового хозяйства», может служить прилагательное в прямом первичном значении. В этом случае при субстантивации одновременно происходит процесс семантической деривации с сужением, специализацией значения. Как правило, существительные имеют собирательное значение, называют совокупность предметов, изделий по такому мотивировочному признаку, как материал: *железное, медное, серебряное, деревянное* и т.п. (А досталь живота моего скоть и платье, и *серебряное, и мѣдное, и желѣзное*... дѣтямъ моимъ. АХУ II, 232. 1614 г. (Там же, вып. 5, с. 82). Розделилися есмь... и мелкий скоть, и серебряную кузнь, и *мѣдное, и желѣзное, и деревянное* и всякий житейский запасъ. АХУ II, 241, 1615 г. (КДРС). Для приведенных субстантивов не отмечены в памятниках синонимичные составные термины.

Изолированное положение занимает лексема *векошное*: Да шедь и застегнуть надъ подвойной трубкой и захватить *векошнымъ* за середник и накинуть на баран потянуть людьми. Росп. труб. д., 198. [СПЛ, вып. 1, с. 73]. Можно предположить, что термин обозначает совокупность приспособлений для подъема грузов (ср. *векаша* – 'грузоподъемное устройство, блок').

Также особняком в данной группе стоит лексема *лещевое* ('часть рыбы без головы и хвоста, тушка': На Белѣозере Третьяк Губанин купил рыбы головы 835 судов, да *лещевое* 5835 судов, да 425 щук, да юранов 2500. Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1585 (Там же, вып. 2, с. 162). В данном случае в семантике слова совмещаются вещественное и метрологическое значения.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Памятники XIV–XVII вв. деловой пись-

менности свидетельствуют о важной роли существительных адъективного типа склонения в развитии специальной лексики. Выделяются определенные семантические сферы, где такой принцип номинации, как субстантивация, отличается высокой активностью. Особое место в производственно-ремесленной лексике занимают субстантивированные прилагательные среднего рода, отличающиеся от прочих как в количественном, так и в семантическом отношении. Именно этот разряд характеризуется отсутствием структурных и семантических ограничений, что позволяет субстантивам среднего рода функционировать в различных сферах: торговой, юридической, ремесленной и др.

Следует отметить, что в старорусском языке формируется новая модель субстантивов, представленная формой множественного числа: *рядовые* ('относящийся к договору, полагающийся по договору (в знач. сущ. о деньгах)': Дано кормщиком сверх *рядовых* свершенки по 2 рубли. Арх. Он. № 228, 48. 1574 г. [СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 289]), которая в дальнейшем активно развивается (ср. в современном русском языке – *суточные, командировочные*), тогда как традиционная модель (*вѣсчее, порядное, медовое* и др.) архаизируется.

О проявлении законов системы свидетельствует тот факт, что в указанный период складываются определенные семантические и словообразовательные модели, развиваются иерархические, парадигматические отношения. В частности, можно утверждать наличие связей между лексико-семантическими группами: название лица по роду деятельности → названия пошлин (*вѣсчий – вѣсчее; портной – портное; рядовой – рядовое; поральский – поральское*); названия документов → названия пошлин (*порядная – порядное*). В старорусском языке продолжается активное развитие специальной лексики, вследствие чего наблюдается использование в документах дублетов – существительных, составных наименований, субстантивированных прилагательных: *подвар – подварное, пятно – пятенное, ларечный – ларечный целовальник, докладная – докладная грамота, контарные деньги – контарное, ваганное – вѣсебное – вѣсчее – вѣсовое* ('пошлина за взвешивание товара'); *поральское – поральное* ('подать с плуга').

Таким образом, можно утверждать, что существительные адъективного типа склонения в старорусском языке представляли собой особую систему, которая впоследствии претерпела существенные изменения, и являлись специфическим средством выражения терминологического значения.

Словари

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / редактор Ю. И. Чайкина. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002–2015. – Вып. 1–3. (СПЛ)

– Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975–2009. – Вып. 1–28. (СлРЯ XI–XVII)

Литература

1. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх ; ответственный редактор Р. И. Аванесов, В. В. Иванов ; АН СССР. Институт русского языка. – Москва : Наука, 1984. – 248 с.

2. Варбот, Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование / Ж. Ж. Варбот. – Москва : Наука, 1969. – 230 с.

3. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 784 с.

4. Лопатин, В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В. В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. – Москва : Наука, 1967. – С. 205–233.

5. Низинская, В. А. К вопросу о способах словообразования существительных адъективного типа склонения в старорусском языке / В. А. Низинская // Исследования по историческому словообразованию. – Москва : Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 1994. – С. 169–180.

6. Снетова, Г. П. Лексико-семантические особенности субстантивированных прилагательных среднего рода в старорусском языке / Г. П. Снетова // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Сборник научных трудов. – Калинин, 1984. – С. 10–26.

L.A. Berseneva

**THE DEVELOPMENT OF THE ADJECTIVAL TYPE OF NOUN DECLENSION IN RUSSIAN
IN THE 15TH–17TH CENTURIES
(BASED ON THE SPECIALIZED LEXICON OF OLD RUSSIAN)**

This article examines the historical development of the group of nouns following the adjectival type of declension in Old Russian. It explores the primary substantivation models that are reflected in the specialized professional lexicon.

History of the Russian language, historical word formation, specialized lexicon.